

АНТИУТОПИЯ

НЕ СТРАШНЕЕ ЖИЗНИ

Рос. газета, - 1999, - 27 авг. - с. 25

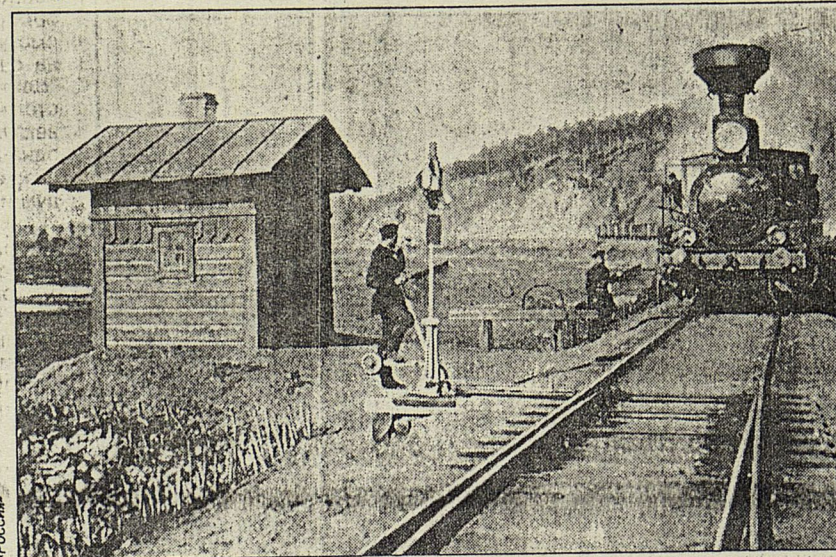
Платонов «в прекрасном и яростном мире»

Приближается столетие Андрея Платонова, одного из самых загадочных и, может быть, «непрочитанных» русских авторов XX века. Его жизнь и творчество привлекают внимание исследователей и мемуаристов. Особенное значение придается юбилею в Воронеже, на родине писателя. Профессор Воронежского государственного университета Владислав СВИТЕЛЬСКИЙ, автор вышедшего недавно сборника статей «Андрей Платонов вчера и сегодня», занимается этой темой более тридцати лет.

— Владислав Анатольевич, в вашей книге есть утверждение: «Постигать художника легче на той земле, где он вырос, где жили его герои». Что значил для Андрея Платонова Воронеж?

— Андрей Платонович Климентов, будущий Платонов, родился на одной из окраин Воронежа и уехал из родного города 26-летним, вполне зрелым человеком. Здесь он сформировался как личность, делал первые шаги в литературе, здесь же вышла и его первая печатная книга — публицистическая брошюра «Электрификация». «...В Ямской слободе, где я родился, были плетни, огороды, лопуховые пустоши... Не дома, а хаты, сапожники и много, много мужиков на Задонской большой дороге... Всею музыкой слободы был колокол «Чугунной» церкви; его умирительно слушали в тихие летние вечера старухи, нищие и я...» — так описывал позднее Платонов свое детство. Он действительно много раз «возвращался» в своих художественных произведениях к знакомым и родным для него названиям: Рогачевка, Потудань, Лиски, Черная Калитва... Знаете, даже там, где в тексте не даны точные имена, топография многих произведений наша, воронежская. Знаете, где рыли знаменитый котлован в одноименной повести? Это происходило за Кольцовской улицей, поодаль от нынешнего телецентра. Там еще и в послевоенные годы был большой овраг, позднее засыпанный. А «Чевенгур»? Исследователями уже составлен точный маршрут странствий его героев — весь он пролегает по нашей области. Для нас, земляков Платонова, ценно то, что его непростой путь в литературу, к всемирной известности, начинался с юмешных фантазий, с многочисленных дел «практического человека», со стихов и раздумий именно здесь, на его малой родине.

— В мемуарах не раз упоминается, что уже в молодости Платонова отличали разносторонность интересов и занятий...

— Да, в нем уже в воронежское время проявилась личность гениальной одаренности и чрезвычайно оригинального склада ума. В Андрее Платоновиче было что-то от универсальных людей эпохи Возрождения. Жил он с максимальной распахнутостью и отдачей, желая как бы весь мир изменить к лучшему. Вы ведь знаете, что помимо журналистики и литературной работы Платонов профессионально занимался техникой (особенно хорошо знал и любил паровозы), мелиорацией и электрификацией. Когда он уезжал из Воронежа, то получил от губернских властей беспрецедентное «удостоверение», в котором были подтожены его труды в штате губернского земельного управления. Так вот, документ свиде-

тельствует, что с 1922 по 1926 год под руководством Платонова и во многом по его инициативе построено 763 пруда, 315 шахтных и 16 трубчатых колодцев, осушено 7600 десятин земли, орошено по правилам 30 десятин, пущены 3 сельские электросиловые установки, начата постройка плавучего экскаватора для осушительных работ, организовано 240 мелиоративных товариществ. Людям, с ним работавшим, он запомнился человеком с ввалившимися от устало-

ного знания. Мы не вправе игнорировать исторический облик писателя, его мучительные искания. Анекдотичен случай истолкования одним современным исследователем сатирического рассказа «Государственный житель» как гимна сталинскому режиму. Того же порядка восприятие заветнейших сочинений «Чевенгур» и «Котлован» как однозначно сатирических. Из нашего времени отрицания и коренного пересмотра недавнего прошлого легче всего воспринять

трагиронический, негативный смысл этих вещей, причислить их к антиутопиям. Действительная же позиция художника часто не поддается современному взгляду. С автором «Чевенгура» мы все-таки находимся в разных эпохах, на несовпадающих хронологических уровнях. У нас сегодня отношение к утопиям воинствующее. Логика же платоновского изображения в другом. Она показывает не то, как недепа, беспомощна и бесчеловечна данная утопия, а каково пытаться воплотить носимую в душах мечту в поединке с непреложными законами бытия, разрушительными силами истории и природы. Платонов сам был захвачен утопией и сочувствовал неосуществленному идеалу. И это очевидно, если сравнить его

главные произведения с классическими антиутопиями тех лет Е. Замятина, Б. Пильняка, М. Булгакова. Места Шарикову у Платонова все же не нашлось. Не только Саха Дванов, но и сам писатель — с «огарками», с нелепыми, неуклюжими, простоватыми героями «Чевенгура», в их надеждах и ошибках, в их ослеплении и прозрении. Они дороги ему, он блуждает и мучается вместе с ними, не отдавая себя от них. В этом неповторимая загадка его творчества, спорившего с изощренной демагогией бесчеловечной, антинародной системы.

— Знал ли сам Платонов ответы на мучительные вопросы, заданные всем содержанием его повестей-притч?

— Думается, если бы у автора бы-

ли готовые ответы, его произведения не действовали бы так неотразимо и не имели такой глубины и силы. Он искал истину вместе со своими героями и своим временем. Перепутывая его мысли не менее сложны и трагичны, чем перепутывая самой истории. Платонов жил в своих вопросах и сомнениях. На рубеже 20—30-х годов он совершал то необходимое переосмысление идеологии и практики советской эпохи, к которому мы в широком масштабе прорвались только сегодня.

— Прорвались ли? Иногда кажется, что мы все еще родем тот исторический котлован, по-прежнему ждем и надеемся... В чем же главные уроки Платонова на будущее?

— Непродуктивно искать у писателя прямых указаний или аналогий с нашим временем. Тем более что мир образов и идей Платонова осваивать нелегко. Он ждет от читателя духовной работы, неоднозначного подхода. И отнюдь не считает неотвратимым то, что произошло с нами. Многие, как и во все времена, зависят от раздумий и воли людей, их пристрастия к добру и человечности. Художник рубежных состояний в судьбе народа и личности, Платонов раскрывает человеческую цену всего сущего и происходящего. Я бы напомнил читателям небольшой, но яркий рассказ «В прекрасном и яростном мире». Машинист Мальцев, неожиданно потерявший зрение, не различая тревожные сигналы световых фар, ведет курьерский поезд. Самое трагичное в том, что он не осознает свою слепоту, а потому не способен предотвратить катастрофу. Ответ на вопрос, что должен делать человек, различив действие «гибельных сил», дает сам рассказчик: «Я решил не сдаваться, потому что чувствовал в себе нечто такое, чего не могло быть во внешних силах природы и в нашей судьбе — я чувствовал свою особенность человека. И я пришел в ошестование и решил воспротивиться...» Андрей Платонов побуждает думать, искать, творить — и это главное.

Геннадий ЛИТВИНЦЕВ,

соб. корр.

Платонов Андрей